

О.Н. АНТИПИНА, В.Л. ИНОЗЕМЦЕВ

Постэкономическая революция и глобальные проблемы

Век двадцатый стал началом новой, так называемой постиндустриальной, информационной или постэкономической эпохи, среди отличительных черт которой - быстрый научно-технический прогресс, радикальные изменения структуры общественного богатства и занятости, удовлетворение основных потребностей большинства жителей развитых стран Запада благодаря достигнутому производственному потенциалу, появление признаков вытеснения творчеством традиционных форм труда, утверждение постэкономической системы ценностей, в центре которой - человек с его стремлением к самосовершенствованию.

Устойчивость и влияние постиндустриальных стран на мировые процессы

Важнейшим источником и движущей силой постиндустриальной трансформации является технологический прогресс с экономическими, социальными и политическими последствиями. Страны, полномасштабно использующие его достижения и вследствие этого выполняющие роль современных экономических лидеров, образуют в мировом сообществе постиндустриальную цивилизацию. Они сгруппированы вокруг трех центров экономической мощи, отчетливо сложившихся к концу 80-х годов. Первый из них, согласно годовому объему мировой добавленной стоимости, представлен США (25,8%); второй объединяет страны Европейского Сообщества (19,4%); в состав третьего входят представители Тихоокеанского региона (16,2%), где лидируют Япония, Китай и государства АСЕАН [1, р. 45].

Технологическое развитие этих стран в последние два-три десятилетия позволило им решить глобальные проблемы в трех фундаментальных аспектах. *Первый* из них - очевидная сегодня невозможность возникновения нецивилизованных форм крупномасштабных конфликтов в среде постиндустриальных и близких к ним по уровню развития стран вследствие формирования современной экономики как мирового хозяйства, обеспечивающего максимальную эффективность производства и вовлекающего значительное число стран в орбиту влияния постиндустриальных держав. *Второй* аспект связан с обнадеживающими симптомами, которые свидетельствуют о перспективах поддержания гармоничного взаимодействия между человеком и природой. Поводом для оптимизма могут служить успехи в распространении новых технологий, способных резко сократить как загрязнение окружающей среды, так и потребности в невозпроизводимых ресурсах. *Третий* заключается в том, что постиндустриальному миру удастся осуществлять такой стиль развития, который не

Антипина Ольга Николаевна - кандидат экономических наук, ассистент экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Иноземцев Владислав Леонидович — кандидат экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества.

допускает широких общественных конфликтов, роста безработицы и социальной напряженности.

В результате развитые страны достигли внутренней стабильности, укрепили свои ведущие позиции в мировом сообществе, но в то же время обособились от менее прогрессивных экономических укладов. Остановимся на этом более подробно.

Набирающая силу интернационализация экономик развитых стран представляет собой совокупность сложных процессов: взаимозависимость производств, активизация торговых потоков и финансовых связей, миграция рабочей силы.

Извлечение выгоды из использования преимуществ рынков труда, капитала и технологий отдельных стран характерно для западного мира почти с начала века. В настоящее время 500 крупнейших транснациональных корпораций обеспечивают более четверти общемирового производства товаров и услуг [1, р. 48]; при этом их доля в экспорте промышленных товаров достигает 1/3, а в торговле технологиями и управленческими услугами - 4/5 [2]. Однако подобное стремление не столько открывает национальные границы для экономического взаимодействия всех стран, сколько способствует сближению постиндустриальных государств и отгораживанию их от остального мира, о чем свидетельствует активизация международной торговли именно внутри центров экономической мощи. Так, высокие показатели отношения экспорта к ВВП в странах ЕС (47%) - в Голландии, 27% - в Швейцарии, 25% - в Германии и по 18% - во Франции и Великобритании [3, р. 47]) связаны в первую очередь с товарооборотом внутри границ Сообщества; импорт США также приходится в основном на развитые страны или поднимающиеся экономики Юго-Восточной Азии (между 1981-м и 1986 годом экономический рост Южной Кореи и Тайваня на 42% и 74% соответственно был обусловлен американским импортом продукции этих стран [4, р. 62]). И несмотря на то, что в середине 80-х годов на каждый доллар, на который американская семья покупала товары отечественного производства, приходилось 45 центов, потраченные на импортные блага и услуги [5, р. 90], перечень стран-импортеров по-прежнему оставался весьма ограниченным.

Та же тенденция к внутреннему взаимопроникновению и внешнему обособлению постиндустриальных стран наблюдается и в области интернационализации финансовых потоков. В течение второй половины 80-х и первой половины 90-х годов обороты фондовых бирж в мире увеличились более чем в 8 раз, однако мировые финансовые центры сосредоточены в ведущих постиндустриальных державах и их растущие обороты свидетельствуют об усилении контроля этих стран над остальными регионами.

Несмотря на то что движение рабочей силы по сравнению с движением товаров и капитала характеризуется гораздо меньшими масштабами, оно также подвержено общим закономерностям внутренней открытости и внешней замкнутости. К примеру, при фактически полном отсутствии ограничений на перемещения с целью найма на работу внутри ЕС лишь 2% рабочей силы находят свое применение вне Сообщества; одновременно низкие иммиграционные квоты создают барьер для проникновения на европейский рынок труда рабочей силы из менее развитых регионов.

Пожалуй, наиболее впечатляющими и существенными выглядят успехи постиндустриального мира в области использования природных ресурсов. Нефтяной кризис 1973 года подтолкнул к интенсивной разведке новых запасов полезных ископаемых в результате увеличения объема разведанных запасов природных ресурсов оказалось самым большим за последние 100 лет. То, что мы живем сегодня в мире "нелимитированных ресурсов", а значит, и "нелимитированного богатства", было достигнуто не путем вовлечения в хозяйственный оборот действительно неисчерпаемых месторождений (существование которых невозможно представить), а с помощью кардинального обновления методов использования природных ресурсов.

Причем выход был найден не на путях привлечения нетрадиционных видов ресурсов, а благодаря эффективности и активному сокращению потребления их традиционных видов, что далеко отодвинуло перспективу их исчерпания. Так, человечеству не удалось за последние годы научиться эффективно применять солнечную

энергию, мощность которой в результате ее большого поступления на Землю в 16 тыс. раз превосходит мощность современных энергетических источников: затраты на ее практическое применение между 1970-м и 1990 годом снизились более чем в 30 раз, но для того, чтобы стать реальным конкурентом энергии, производимой на сжигающих уголь станциях, ей необходимо стать еще на порядок дешевле [6]. При этом потребность в дорогостоящей солнечной энергии начинает выглядеть все более незначительной на фоне опережающего роста масштабов потребления традиционных энергетических ресурсов: с 1973-го по 1985 год валовой национальный продукт основных развитых стран увеличился на 32%, а потребление энергии - всего на 5% [3, р. 132].

Последние десятилетия отмечены также беспрецедентными масштабами замещения информацией и знаниями материальных составляющих издержек производства. Благодаря этой особенности технологического прогресса в информационном обществе резко сокращается рынок серебра, платины, золота и других редких и связанных с масштабным вмешательством в природу материалов.

В контексте этой тенденции рост добычи минеральных ресурсов, наталкиваясь на узость потребительского спроса, неизбежно приводит к падению мировых цен, но это никак не сказывается на все более широком распространении новых технологий их использования, в первую очередь в развитых странах. Сегодня США по созданию ресурсосберегающих технологий опережают многие страны; они задают новый уровень экономичности автомобильного двигателя для первого десятилетия следующего века в пределах 1,2-2,1 л/100 км, трижды радикально снижали стандарты потребления воды за последние 10 лет и создают технологии, позволяющие отказаться от 99% расходов на обогрев, 90% - на освещение и 50% - на водоснабжение офисных помещений. Те же процессы характерны и для стран ЕС. Например, в Голландии используются методы, позволяющие экономить до 92% потребляемой в домашнем хозяйстве энергии, а в Германии потребности бумажных фабрик в воде сократились почти в 30 раз за последние 20 лет [7].

Сочетание отмеченных процессов в сфере эксплуатации природных ресурсов с ужесточением экологического законодательства (достаточно отметить, что экологическую политику США определяют более 13 тыс. законов) в постиндустриальных странах подчеркивает их особое положение в мире; экологическая же опасность все в большей мере угрожает со стороны менее развитых территорий.

Об устойчивости развития современных постиндустриальных обществ можно судить также по занятости и состоянию социальных проблем. В результате крупнейшей за всю историю структурной перестройки хозяйства начиная с 50-60-х годов произошло высвобождение рабочей силы из сельскохозяйственного производства и ее вовлечение отчасти в промышленность, но в гораздо большей степени в сферу услуг. Существенное, однако, что интенсивно возникали и заполнялись рабочие места в информационном секторе, охватывающем высокотехнологичные отрасли промышленности и те сегменты сферы услуг, где распространены субъект-субъектные взаимодействия, присущие постиндустриальному обществу. Столь масштабное изменение структуры занятости изначально не было лишено проблем. Вплоть до начала 90-х годов оно сопровождалось ростом безработицы, но в наши дни, когда результаты структурной перестройки хозяйства стали достаточно очевидными, динамика занятости сменилась на противоположную. К примеру, в США, стране, наиболее полно воплощающей основные преимущества информационных технологий, в 50-е годы средний уровень безработицы составлял 4,5%, в 60-е, 70-е и 80-е уверенно повышался до 4,8%, 6,2% и 7,3% соответственно, а в начале 90-х он снизился до 6,6% [5, р. 10]. Снижения безработицы не наблюдается пока в странах ЕС, и это, на наш взгляд, связано с существующими в Европе более высокими показателями занятости в индустриальном секторе.

Несмотря на то что главный фактор снижения безработицы в постиндустриальных странах - расширение рамок информационного производства и сокращение некавали-

фицированного труда в промышленности и сфере услуг, нельзя сбрасывать со счетов и различные формы альтернативной занятости (работа на дому, временная занятость, работа "по звонку" и по "независимому контракту"), которыми в середине 90-х годов были охвачены соответственно 5 млн, 8,1 млн, 2 млн и 8,3 млн американцев [8, 9]. Следует согласиться с О. и Х. Тоффлерами, полагающими, что безработица в постиндустриальном обществе - феномен в большей мере "качественный", чем "количественный" [10].

Все это дает основание рассматривать развитие постиндустриальных стран как устойчивое в плане взаимоотношений между человеком и природой, избежания социальных коллизий и международных конфликтов. Оно выглядит устойчивым *еще* и потому, что постиндустриальные державы явно доминируют над остальной частью мира, определяя его перспективы в XXI веке. Тем не менее устойчивость развития постиндустриальной цивилизации может быть нарушена как из-за обострения не внутренних противоречий, так и извне, со стороны остальной части мира. Причем опасность угрожает не только эволюционному, но даже некатастрофическому будущему постиндустриальных стран и планеты в целом.

Внутренние противоречия постиндустриального общества

В период первого обострения глобальных проблем, в начале 70-х годов, исследователи акцентировали внимание на несоответствии внутреннего мира человека характеру технологического прогресса. Опасения вызывало то, что постиндустриальные по своей форме изменения осуществлял человек, этические и моральные принципы которого оставались в плену индустриальных иллюзий безудержного материального роста. В этом виделись истоки глобальных противоречий на рубеже эпох [11].

Сегодня, когда постэкономическая трансформация продвинулась далеко вперед, но результаты видны не только во внешних формах, будь то технологические достижения или структурная перестройка хозяйства, но и в содержательном наполнении на индивидуальном и социопсихологическом уровне. Речь идет о приоритете творческой деятельности, о стремлении людей к самосовершенствованию, а не к приумножению материального богатства.

В этой связи актуализируются проблемы, прямо противоположные тем, которые волновали мир в начале 70-х, а именно внутреннее несоответствие постэкономической природе современных обществ Запада экономической формы происходящих в них процессов. Рассмотрим наиболее серьезные из этих несоответствий.

Первое, на наш взгляд, - неисчислимость при помощи стоимостных показателей ценности производимых обществом благ как на макро-, так и на микроуровне.

Примером может служить индикатор валового национального продукта. В условиях информационной экономики к давно известным его недостаткам, таким как: неучет результатов деятельности домохозяйств, положительных и отрицательных экстерналий, "качества жизни", добавилось новое: ВВП уже не отражает реального соотношения затрат и объема произведенных благ, так как снижение издержек в высокотехнологичном производстве неизбежно приводит к искусственному занижению темпов роста постиндустриальных экономик. Не в этом ли кроется причина того, что на фоне наиболее значимого технологического скачка, переживаемого западным миром, в последние десятилетия официально объявляемые статистикой темпы хозяйственного роста развитых стран снизились с 5% в 60-е годы до 3,6% у 2,8% в 70-е и 80-е и до 2,0% в 90-е [9, р. 1]?

На уровне фирмы неадекватность традиционных показателей становится в высшей степени актуальной по мере роста нематериальных активов, роль которых в создании информационного богатства особенно велика. В результате в наиболее передовых отраслях хозяйства отчетливо наблюдается громадное несоответствие между балансовой и рыночной стоимостью корпораций.

Например, широко известная фирма *Netscape*, основанная в начале 1994 года, обладающая фондами в 17 млн долл. и применяющая труд немногим более 50 работников, имеет рыночную оценку, превышающую 3 млрд. долл. [12] при отсутствии прибыли от своей деятельности; владельцы ее акций, курс которых вырос только в течение 1995 года с 28 долл. до 130 долл. [13], не могут претендовать в обозримом будущем на получение каких-либо дивидендов.

В американской экономике балансовая стоимость компаний составляет в среднем менее 1/3 их рыночной оценки в таких отраслях, как здравоохранение, личные услуги, радиовещание и издательский бизнес, деловые и общественные услуги, производство электронной техники; в автомобильной же промышленности балансовая стоимость корпораций достигает более 80% их рыночной цены. При этом в пределах каждой отрасли заметна тенденция, согласно которой новые и агрессивные компании имеют большие "невидимые активы", чем давно работающие на рынке: соответствующие соотношения составляют 0,45 : 1 у IBM, 1,35 : 1 у Hewlett-Packard, 2,8 : 1 у Intel, 9,5 : 1 у Microsoft, 10,2 : 1 у Reuters, 13 : 1 у Oracle и почти 60 : 1 у Netscape [14].

В целом же, поскольку используемые показатели не отражают адекватно происходящих в хозяйстве изменений, ориентация на них, скажем, при определении целей государственной политики не сможет привести к желаемым результатам. Весь процесс будет похож на управление самолетом по показаниям приборов без малейших представлений о местности, над которой он летит.

Несоответствие стоимостных оценок потребностям подсчета ценности благ в информационном обществе вызывает к жизни *второе* негативное обстоятельство - рост фондовых индексов вне зависимости от реальных изменений в производстве благ и услуг, делающий единственным стимулом к приобретению акций не инвестиции в производство, а поддержание дальнейшего спекулятивного роста их курса. Так, если в США с 1977-го по 1987 год рост промышленного производства не превысил 50%, то объемы торгов на NYSE возросли более чем в 10 раз [15]. Таким образом, современный фондовый рынок, фактически уже не отражающий закономерностей реального производства, все еще управляется под воздействием изменения традиционных экономических индикаторов. В такой ситуации серьезный финансовый кризис был бы минимальным злом, однако он имеет все шансы обрести масштабы, намного превосходящие последствия обычного биржевого краха.

Третья опасная тенденция связана с изменившимся характером частных сбережений и с потребностью государства в инвестиционных денежных средствах. Активное развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей как в промышленности, так и в сфере услуг постепенно ведет к тому, что накопление ресурсов воплощается в самих людях и их способностях и именно это обеспечивает хозяйственный рост постиндустриальных стран. Подобный факт не может быть объяснен с точки зрения традиционной экономической теории. Между тем известно, что с начала 90-х годов американская экономика переживает подъем на фоне очень низкой склонности населения к сбережениям: в 1989 году сбережения граждан США не превышали 4,6% располагаемого дохода [4, р. 160]. Однако государство продолжает оперировать в основном экономическими категориями и нуждается в свободных денежных ресурсах для осуществления программ в социальной, военной или политической областях. Следствием подобной диспропорции становится рост дефицита бюджета и внутреннего государственного долга.

Четвертый фактор действует на внешнеэкономическом уровне, распространяя проблему неадекватной оценки интеллектуальных продуктов на международные расчеты. Если около четверти всего американского экспорта составляют товары, фактически непосредственно воплощающие в себе права интеллектуальной собственности [16], а поставки из стран Юго-Восточной Азии представлены в основном потребительскими благами, то этот фактор, скорее всего, играет далеко не последнюю роль в образовании внешнеторгового дефицита США.

Наращение объема внутренней и внешней задолженности превращается в одну из

самых острых проблем развитых экономик, угрожающих их стабильности. Современные программы сокращения дефицита, среди которых наиболее известны американская концепция достижения сбалансированного бюджета к 2004 году, и программа сокращения долга до 60% ВВП в рамках перехода на единую европейскую валюту, скорее всего, не будут реализованы; по крайней мере тенденции последних лет не свидетельствуют о достижении поставленных задач.

Таким образом, быстрый прогресс постиндустриального общества вызывает негативные последствия для охваченных им стран. Причем эти последствия являются столь острыми, столь и далекими от своего разрешения. Кроме того, поддержание внутренней стабильности постиндустриального мира требует обеспечения если не оптимального, то приемлемого характера взаимодействия развитых стран с остальным миром, способного устранить опасность как всемирной экологической катастрофы, так и неконтролируемого развития политических процессов в самых бедных регионах планеты.

Старые и новые проблемы за рамками постиндустриального мира

Проблемы относительно отсталых регионов планеты в контексте их взаимоотношений с постиндустриальным миром могут быть рассмотрены в нескольких аспектах. *Во-первых*, большой интерес представляет процесс развертывания борьбы некоторых развивающихся стран за право войти в сообщество постиндустриальных государств; с этим уже сегодня связан ряд экономических проблем. *Во-вторых*, явную озабоченность вызывают применяемые за пределами постиндустриального мира примитивные методы индустриализации, что резко усугубляет экологическую ситуацию, непосредственно касающуюся всего населения Земли. И, наконец, *в-третьих*, четко обозначился круг стран, которые на протяжении всего следующего столетия не смогут не только вступить в сообщество развитых государств, но даже обеспечить своему населению приемлемых уровней потребления, что вызовет серьезные политические проблемы, с которыми придется столкнуться человечеству в новом тысячелетии.

Современный тип взаимодействия развитого мира с развивающимися странами кардинально отличается от доминировавшего до начала активной постэкономической трансформации. В новых условиях страны Юга перестали быть "третьим миром", позиция которого могла в значительной мере определить итоги политического противостояния "первого" и "второго". Утратив статус подобного инструмента, они потеряли и существенную часть поступающих в их распоряжение извне ресурсов. Сегодня большинство государств, ранее не входивших в "первый" мир, полагают за счастье быть его "резервом", понимая невозможность динамичного развития вне постиндустриальной перспективы.

На основе оценки роли, которую те или иные территории способны сыграть в развитии человечества в ближайшие десятилетия, в "резерве" могут быть выделены страны - возможные катализаторы перемен и явные аутсайдеры мировой экономики.

К первой группе принадлежат, безусловно, страны Юго-Восточной Азии, среди которых лидерство постепенно переходит от Японии, вошедшей в круг постиндустриальных стран, к Китаю, быстро устанавливающему экономическую гегемонию в Азии; отдельные промышленные районы Южной Америки, в которых при всей бедности населения и серьезных социальных проблемах сосредоточен значительный технологический и интеллектуальный потенциал, способный сыграть свою роль в их ускоренном развитии; страны передней Азии, отчасти уже входящие в постиндустриальное общество, но при этом остающиеся наименее динамичными регионами мира; Россия и европейские страны Содружества Независимых Государств, которые, обладая высоким технологическим потенциалом, могут постепенно стать хотя и вторичной, играющей подчиненную роль, но все же неотъемлемой частью европейского экономического организма.

Вторая группа объединяет страны Африки, имеющие минимальный технологический потенциал, исключительно низкий уровень развития производства и являющиеся очагами бесконечных этнических конфликтов; часть латиноамериканских государств с их серьезными социальными проблемами и низким уровнем жизни населения; перенаселенные и раздираемые религиозными и культурными противоречиями страны Южной Азии - от Индии и Бангладеш до Камбоджи и Лаоса.

В результате все население планеты оказывается разделенным на три части - приблизительно 1/5, приходящуюся на постэкономический мир и близкие к нему страны, 2/5, составляющие население государств, которые в течение первой половины следующего столетия с высокой вероятностью сумеют достичь существенного экономического роста; 2/5, самым большим успехом которых может стать искоренение очевидной бедности.

Основной ареной экономического противостояния постиндустриального мира и его периферии, по нашему мнению, в первые десятилетия XXI века станут взаимоотношения между развитыми странами и азиатскими "тиграми" (Южная Корея, Сингапур, Тайвань).

Естественно, постиндустриальные страны не могут недооценивать исходящего из Азии вызова их хозяйственной стабильности. Как в начале столетия Великобритания с мизерным в мировом масштабе населением естественным образом утратила хозяйственное доминирование над регионами, население которых стало исчисляться миллиардами, так и теперь старые индустриальные нации не могут обеспечить объемов материального производства, достаточных для удовлетворения потребностей всей цивилизации. Однако количественные показатели ныне не столь важны, как раньше; мировое господство обеспечивается сейчас способностью стран и территорий к быстрым изменениям, к радикальным нововведениям, к техническому и интеллектуальному прогрессу; но полное использование этих возможностей сопряжено в азиатских государствах с рядом серьезных трудностей.

Среди проблем, не позволяющих пока азиатским "тиграм" взять верх над развитыми странами, следует отметить, во-первых, экспансивный характер их экономического роста. Так, экономический рост, достигавший в Сингапуре ежегодного показателя в 8,5% в период между 1966-м и 1990 годами, был обеспечен увеличением пропорции инвестиций в валовом национальном продукте с 11% до 40%, повышением доли занятых в общей численности населения с 27% до 51% и удлинением рабочего дня почти в 1,5 раза [17].

Во-вторых, эти страны, сохраняя высокую степень зависимости от внешних рынков капитала и технологий, не достигли пока самодостаточности - как черты, свойственной лидерам постиндустриального прогресса. Прорыв на уровень индустриализованных стран, совершенный в последние десятилетия Тайванем, Южной Кореей, Малайзией и другими странами, в значительной степени обусловлен активным притоком капитала как из Японии, так и из стран Запада. К примеру, на каждого жителя Малайзии в середине 90-х годов приходилось более 1100 долл. иностранных прямых инвестиций; соответствующие показатели для Южной Кореи и Тайваня, не говоря уже о Гонконге и Сингапуре, были гораздо выше [18].

Поэтому о фатальных для постиндустриальных стран последствиях экономического противостояния с азиатскими лидерами говорить пока преждевременно. Гораздо более серьезная угроза не только для развитых хозяйственных систем, но и для всего человечества исходит из бедных регионов и связана она с экологической опасностью и социальной напряженностью.

Развитые державы, как мы уже отмечали, на протяжении четверти века уделяют все больше внимания сохранению и восстановлению природной среды, уменьшению вредных отходов, сокращению использования невозобновляемых ресурсов. Поэтому основные экологические проблемы наших дней и, пожалуй, начала XXI века будут связаны с быстрым истощением ресурсов в наименее индустриализованных странах, сопровождающимся резким ростом загрязнения воздуха, воды и земель, а также с

разрушением исторически сложившихся природных экосистем, в том числе уничтожением лесов и детериорацией почв, охватывающей огромные территории.

Если рассмотреть только вредные выбросы в атмосферу, которые, во-первых, могут быть проконтролированы и, во-вторых, отражают в той или иной мере развитие промышленного производства в отдельных регионах, то, согласно самым оптимистическим прогнозам, в период с 1980-го по 2010 год объем поступающих в атмосферу двуокиси углерода, окиси серы и окиси азота в развитых странах останется на стабильном уровне, составляющем около 2,8 млрд т в год. Сокращения выбросов, по прогнозам, можно ожидать не ранее 2010 года, когда станет возможным промышленное использование принципиально новых технологий очистки. За эти же годы новые индустриальные экономики, в первую очередь стран Юго-Восточной Азии, увеличат выбросы с 249 млн т до 738 млн т, т.е. почти в 3 раза. Самое же интересное заключается в том, что это увеличение, которое можно объяснить ускоренными темпами экономического роста, окажется менее значительным, чем объем загрязнения со стороны прочих стран, в число которых не включены восточная Европа и страны бывшего СССР - данные государства обеспечат рост этого показателя в 3,8 раза, причем к 2015 году превзойдут по нему все развитые страны, вместе взятые [19].

Имеют место и другие проблемы. Начиная с 1970 года в Африке, Америке и Азии площадь пустынь увеличилась на 120 млн га, что превосходит возделываемые площади Китая; при этом за 20 лет фермеры во всем мире утратили более 480 млрд т чернозема, эквивалентные его запасам на Индийском полуострове. За эти же годы более 2/3 всех почв, обрабатываемых в Центральной Африке, стали фактически непригодными для современного земледелия, была уничтожена уникальная экосистема Аральского моря, резко ухудшилось состояние почв в Бразилии и в других странах Латинской Америки.

Становится совершенно очевидным, что центр процессов, обуславливающих разрушение экосистем, почти полностью сместился в развивающиеся страны. «...90% вымирающих видов, эрозий почв, разрушений лесов и неосвоенных территорий, а также опустыниваний имеет место в развивающихся странах (включая быстро присоединяющиеся к "третьему миру" Россию и страны СНГ, жертвующие природой ради участия в мировой торговле). Наиболее угрожающие случаи локальных воздушных и водных загрязнений в настоящее время обнаружены в развивающихся и новых индустриальных странах, по сравнению с которыми Рур или Питтсбург выглядят как курорты» [20, р. 91].

На наш взгляд, в ближайшие десятилетия развивающиеся страны не обретут реальных возможностей для обеспечения даже самых необходимых природоохранных мероприятий. Единственным серьезным источником средств для осуществления подобных мер могли бы служить только поступления от продажи ресурсов и энергоносителей, однако уже в среднесрочной перспективе рынки дешевоющих традиционных материалов резко сузятся. Следовательно, большинству ресурсодобывающих регионов их экспорт будет приносить средства, достаточные лишь для поддержания существующих уровней внутреннего потребления и расчетов по текущим обязательствам, связанным с обслуживанием внешнего долга.

Поддержание экологического равновесия требует огромных финансовых и материальных затрат, и основная проблема связана с тем, что если в развитых государствах природоохранные мероприятия в большинстве случаев экономически выгодны и затраты на их проведение через определенный срок окупаются, то в остальных регионах мира они не способны принести в обозримом будущем никакого экономического эффекта.

Помимо тревоги по поводу экологической проблемы особое беспокойство вызовет непосредственно хозяйственное развитие самых отсталых стран. Среди основных причин их бедственного состояния традиционно называют неуправляемый рост населения. В целом в мире с середины 50-х до середины 90-х годов уровень смертности

снизились более чем в 2,5 раза, тогда как соответствующий показатель рождаемости уменьшился только на 30% [6, р. 25]; для развивающихся стран разрыв динамики этих цифр был еще более очевидным. В результате с 1950-го по 1985 год прирост населения в высокоразвитых индустриальных странах составил с учетом активной миграции лишь 41%, в то время как в наименее развитых регионах планеты - 119% [21]. Согласно прогнозам, население стран Африки увеличится к 2025 году более чем втрое, составив 1,58 млрд человек; доля континента в мировом населении с нынешних 12% увеличится до более чем 15% [3, р. 99].

Демографические проблемы не только провоцируют рост дефицита ресурсов и распространение бедности, но имеют еще одну важную сторону. До сегодняшнего дня процессы урбанизации в развивающихся странах не привлекали к себе большого внимания, поскольку крупнейшие агломерации оставались сосредоточенными в рамках развитых стран, а также Латинской Америки, Китая и Индии, где правительства в определенной мере могли поддерживать контроль над ситуацией [22]. В ближайшем будущем ситуация может измениться самым драматическим образом. Еще в середине 70-х годов число городских жителей в развивающихся странах превысило население городов в странах OECD; в 1990 году в них обитало почти 1,4 млрд человек, а примерно через 15 лет их будет около 2,7 млрд, т.е. более чем в 2,5 раза больше, чем городских жителей в развитых регионах планеты [23]. Не говоря о том, что население африканских городов в условиях фактически полного отсутствия индустриального производства представляет собой лишь "чистых потребителей", такое сосредоточение населения повышает риск не только социальных конфликтов, но и неконтролируемых эпидемий. Не случайно именно в Африке, в городах, население которых превосходит 200 тыс. человек, количество инфицированных вирусом иммунодефицита человека достигает уже сегодня 1/3 всего населения, а эту проблему нельзя считать ограниченной только развивающимся миром.

Острые проблемы возникают также в связи с абсолютным и почти повсеместным сокращением производства жизненно необходимых продуктов (как в масштабах отдельных стран, так, в еще большей степени, в расчете на душу населения). На фоне происходящих демографических процессов это выражается в фактическом прекращении роста промышленной продукции на душу населения (ее прирост составил не более 10% между 1973-м и 1990 годами [6, р. 5]). Но если в пост-индустриальных странах замедляются темпы роста производства основных сельскохозяйственных культур, поскольку потребители обращают большее внимание на качество и биологические характеристики продукта, чем на его цену и доступность, то для отсталых регионов это еще долго не станет актуальным.

Важно отметить, что огромный разрыв между богатыми и бедными регионами в значительной мере обусловлен консервацией в них отсталых методов производства и неспособностью к нововведениям. В беднейших странах Южной Азии около 40% применяемых на рисовых полях удобрений расточаются из-за неэффективного использования, наряду с этим из-за плохих условий хранения и перевозки теряются 20% выращенного риса; использование примитивных орудий труда приводит к тому, что африканский крестьянин в среднем выращивает в год не более 600 кг зерновых, тогда как американский фермер - не менее 80 т [24]. Стремление получить хотя бы скудные урожаи с применением примитивных орудий труда приводит к разрушению пригодных для сельского хозяйства почв, принимающему в развивающемся мире невиданные ранее масштабы. Сегодня, по данным ФАО, в Центральной Африке, где 42% не используемых в сельском хозяйстве земель имеют низкую естественную продуктивность, 2/3 обрабатываемых площадей находятся в настолько деградировавшем состоянии, что непригодны для современного сельскохозяйственного производства [25].

Между тем шансы наиболее бедных африканских, азиатских и латиноамериканских государств на сокращение пропасти, отделяющей их от развитых стран Запада, сегодня малы как никогда. Начавшаяся в 70-е годы постэкономическая транс-

формация привела не только к укреплению позиций постиндустриальных держав и сокращению возможностей влияния на их политику со стороны стран южной части земного шара. Гораздо болезненнее оказались новые тенденции, с которыми связаны уже отмеченное резкое сокращение потребления ресурсов и снижение цен на них, а также рост привлекательности западных финансовых рынков для потенциальных инвесторов, что привело к снижению доходов развивающихся стран, оскудению притока инвестиций в их экономику и ухудшению условий заимствования на кредитных рынках. В 1985 году доля инвестиций, направляемых постиндустриальным миром в развивающиеся страны, была в 3 раза меньше, чем объем капиталов, вкладываемых постиндустриальными странами в экономику друг друга; при этом за 10 лет доля африканских государств, в хозяйство которых в 1975 году направлялось 6,7% всех прямых иностранных инвестиций, снизилась почти в 2 раза и составила лишь 3,5% [1, p. 56].

Многие экономисты, социологи и политики предлагают план экстренных мер, направленных на обеспечение помощи южным регионам планеты. В последнее время, особенно после Всемирного саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году, стала активно обсуждаться идея широкомасштабной помощи "третьему миру," причем ее объем — около 100 млрд долл. ежегодно - мог бы при надлежащем использовании решить многие наиболее актуальные проблемы. Предпринимаются попытки убедить общественность развитых стран не только в том, что подобные расходы безусловно необходимы в нынешней ситуации, но и в том, что они не окажутся излишне тяжелым бременем для постиндустриального мира. Так, авторы последнего доклада Римскому клубу отмечают, что эти затраты составляют не более 0,7% суммарного валового национального продукта развитых индустриальных стран [7, p. 219]. А. Гор акцентирует внимание на том, что подобная задача выполнима даже силами одних Соединенных Штатов, хотя в этом случае суммарные расходы приблизятся к 2% валового национального продукта [26]. Причем, отмечает автор, такая же доля американского ВВП была использована в послевоенные годы для оказания экономической помощи Западной Европе в рамках "плана Маршалла"; последствия же подобной поддержки нельзя оценить иначе, как исторические.

Однако провозглашению данного плана помощи развивающимся странам мешает ряд трудностей.

Первой является сложность извлечения такого объема средств из хозяйственного оборота развитых стран. Сегодня, когда США вынуждены ускорять модернизацию своего производственного потенциала ради поддержания конкурентоспособности отечественных товаров перед лицом азиатских экспортеров, а Европейское Сообщество занято борьбой с безработицей и решением задач, связанных с образованием европейской конфедерации, те несколько процентов валового национального продукта, о которых говорят сторонники нового "плана Маршалла", представляются весьма нелишними для развития национальных экономик.

Вторая группа затруднений связана с эффективностью использования средств, поступающих в развивающиеся страны. Неэффективные экономические системы этих государств чаще всего соответствуют неэффективным системам управления, что снижает уровень доверия к ним.

Наконец, ряд сложных проблем связан с неоднородностью самого развивающегося мира, существованием в нем группы потенциальных конкурентов постиндустриальных держав и стран, которые сегодня не только не в состоянии развиваться, но и даже поддерживать минимальные стандарты потребления. Отношения постиндустриальных стран со все более отстающими регионами и, например, с растущими экономиками Юго-Восточной Азии полностью противоположны. Если из азиатских стран Запад импортирует искусственно переоцененные продукты массового индустриального производства, а экспортирует им искусственно недооцененную информацию и технологии, то в отношении беднейших государств предметом экспорта являются как раз промышленные товары, а импортируются в основном сырье и иные

виды ресурсов. В результате сокращения спроса на них возник беспрецедентный дисбаланс в торговле с территориями Юга; индекс цен на получаемые оттуда товары снизился с 1974-го по 1991 год почти в 3,5 раза; для поддержания приемлемых уровней импорта промышленных товаров развивающиеся страны вынуждены были в этой ситуации все более активно привлекать кредиты западных правительств, частных банков и международных финансовых организаций [20, p. 97].

Если в 1974 году общий объем внешнего долга развивающихся стран составлял 135 млрд долл., то к 1981 году он достиг 751 млрд, а в начале 90-х - 1,935 трлн [2, p. 282]; при этом наиболее быстрыми темпами росли долги центральноафриканских стран, надежды которых на устойчивое хозяйственное развитие выглядят иллюзорными. К 1992 году отношение объемов внешних заимствований к валовому национальному продукту по сравнению с аналогичным показателем 1980 года составляло в Индонезии 67% против 29%, в Марокко - 77% против 53%, на Ямайке - 153% против 78%, в Гайане - 768% против 147% и т.д. [27]. Совершенно очевидно, что реальное сокращение объемов внешнего долга, достигнутое, например, Южной Кореей, для большинства развивающихся стран сегодня невозможно; многие из них, особенно африканские, способны выплачивать проценты по обслуживанию долга исключительно за счет новых заимствований.

Накопление безнадежных долгов опасно для стабильности финансовой системы самих постиндустриальных стран. Вложение средств в экономику отсталых стран, пока еще приносящее проценты, выплачиваемые за счет новых кредитов, может закончиться таким же образом, каким обычно и заканчивается кредитование банкрота: кредитор оказывается собственником сомнительных и никому не нужных "активов", само сохранение которых требует дополнительных средств. Поэтому предложение ряда развивающихся стран относительно постепенного и контролируемого списания долгов или их существенной реструктуризации - не самое плохое решение проблемы.

Несмотря на отмеченные трудности, именно преодоление экологических и хозяйственных проблем развивающихся стран будет определять, с нашей точки зрения, стабильность развития человечества в первой половине XXI века. В этой связи крайне желательным выглядит восприятие передовыми державами принципов обновленного колониализма.

В нынешних условиях призывы к установлению равноправных отношений между постиндустриальными регионами и развивающимися странами остаются совершенно нереальными. Речь должна идти, по-видимому, о целом ряде экстраординарных мер, которые следовало бы применить к очевидно отсталым странам. Осознав исходящие оттуда опасности, постэкономические державы сочтут, скорее всего, за благо отказаться от требований по долговым обязательствам, списать существующую задолженность и накопленные проценты, а также предоставить этим государствам серьезные финансовые трансферты для обеспечения их экологической безопасности и социального развития, ибо в противном случае под угрозой окажется судьба всей цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dicken P.* Global Shift. The Internationalization of Economic Activity. London, 1992.
2. *Greider W.* One World, Ready or Not. The Manic Logic of Global Capitalism. New York, 1997. P. 21.
3. *McRae H.* The World in 2020. Power, Culture and Prosperity: A Vision of the Future. London, 1995.
4. *Thurow L.* Head to Head. The Coming Economic Battle Among Japan, Europe and America. New York, 1993.
5. *Rifkin J.* The End of Work. New York, 1996.
6. *Meadows D.H., Meadows D.L., Rensders J.* Beyond the Limits: Global Collapse or a Sustainable Future? London. 1992. P. 76.

7. *Weizsaecker E. von, Lovins A.B., Lovins L.H.* Factor Four: Doubling Wealth - Halving Resource Use. The New Report to the Club of Rome. London, 1997. P. 4, 5, 8, 11, 13, 28, 29, 80, 83.
8. *Naisbitt J., Ahurdene P.* Megatrends 2000. Ten New Directions For the 1990's. New York, 1990. P. 331.
9. *Thurow L.C.* The Future of Capitalism. London, 1996. P. 165.
10. *Toffler A., Toffler H.* Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave. Atlanta, 1995. P. 53.
11. *Печчеу А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 67.
12. *Edvinsson L., Malone M.S.* Intellectual Capital. New York, 1997. P. 2, 3, 34.
13. *Morrison I.* The Second Curve. Managing the Velocity of Change. London, 1996. P. 62.
14. *Sveiby K.E.* The New Organizational Wealth. San Francisco, 1997. P. 6, 7.
15. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Cambridge (Mass.)-Oxford (UK), 1995. P. 335.
16. *Boyle J.* Shamans, Software and Spleens: Law and the Construction of the Information Society. Cambridge (Mass.)-London, 1996. P. 3.
17. *Krugman P.* The Myth of Asia's Miracle // Foreign Affairs. 1994. № 6. P. 70.
18. *Kemenade W. van.* China, Hong Kong, Taiwan, Inc. New York, 1997. P. 4, 6, 7, 37.
19. *Duchin F., Lange G.-M. et al.* The Future of the Environment. Ecological and Technological Change. New York-Oxford, 1994. P. 33.
20. *Weizsaecker E.U. von.* Earth Politics. London-Atlantic Highlands (N.J.), 1994.
21. *Eberstadt N.* Population Change and National Security // Foreign Affairs. 1991. № 3. P. 128.
22. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, 1996. P. 404.
23. *Brzezinski Zb.* Out of Control. New York, 1993. P. 51.
24. *Kennedy P.* Preparing for the Twenty-First Century. London, 1994. P. 69.
25. *Brown L.R., Flavin Ch., French H. et al.* State of the World 1997. A WorldWatch Institute Report on Progress Toward a Sustainable Society. New York-London, 1997. P. 55, 199.
26. *Core A.* Earth in the Balance. London, 1992. P. 304.
27. *Caufield C.* Masters of Illusion. The World Bank and the Poverty of Nations. New York, 1997. P. 165.

© О. Антипина. В. Иноземцев, 1998